

уже почти не улавливаемое колыханіе, словно откуда-то брошенные, свободные стихи — моментъ наивысшаго смятенія, припадка острой тоски и въ то же время какого-то мгновеннаго озаренія, угадыванія какой-то «философіи исторіи», сказать бы я, если бы отъ этого слова не отдавало разсудочностью, исключяющей поэзію. И такъ же разительно, какъ это *intermezzo*, дѣйствуетъ столь же неожиданно налетающій финальный гимнъ: внезапно въ полномъ контрастѣ со всѣми предыдущими, легкими, бѣглыми, мелькающими, создающими впечатлѣніе какой-то жидкой, быстро текучей, прозрачной стихіи, звучаніями, темпами, ритмами, образами, массивно, внушительно, разнятся тягучіе, густые, широкіе трехдольные («некрасовскіе») стихи, и столь же внезапно смолкаютъ. Слѣдовало бы показать, какъ изъ этихъ стилистическихъ противоположностей возникаетъ единство, какъ этотъ рядъ коротенькихъ стихотвореній соединяется въ подлинную поэму, вскрыть весь тщательно скрытый тонкій и хитрый расчетъ, съ какимъ возведено это миниатюрное, столь замысловатое въ своей стройности и кажущейся простотѣ, зданіе. Но для подробнаго стилистическаго анализа этой прекрасной поэмы у меня уже нѣтъ мѣста.

П. Бицилли.

Н. Н. Андиферов: Душа Петербурга. Гравюры на дереве **А. П. Остроумовой - Лебедевой.** Петербург, 1922 стр. 267. **Его же: Петербург Достоевскаго.** Рисунки **М. Добужинскаго.** Петербург 1923 стр. 106.

Въ книгахъ г. Андиферова, собственно, слиты нѣсколько темъ Осиода и нѣкоторая внѣшняя неровность и неоднородность ихъ стиля, — мы встрѣчаемся съ конкретными указаніями для проведенія экскурсій по Петербургу, и со страницами хрестоматійнаго характера — собраніемъ незаслуженно-забытыхъ образовъ Петербурга въ русской поэзіи, и съ попытками постиженія «души Петербурга», и съ рядомъ лишь было намѣченныхъ мыслей къ философіи русской исторіи.

Книга о «Душѣ Петербурга» даже внѣшне распадается на двѣ части — первая посвящена понятію «genius loci» (терминъ Вернонъ Ли) Петербурга, вторая даетъ исторію образа Петербурга въ русской литературѣ Сумароковъ, Ломоносовъ, Державинъ, Батюшковъ, Пушкинъ, В. Ф. Одоевскій, Лермонтовъ, В. С. Печерицъ, М. Дмитриевъ, Пеленскій, Короленко, Ап. Григорьевъ, Достоевскій, Тютчевъ, кн. П. Вяземскій, Фетъ,истики искусства (Бенуа, Грабарь, Лукомскій). поэты современности (съ Бѣлаго и Блока — до Маяковскаго) проходить передъ нами нѣсколько слиткомъ пестрою чередою. Лишь иногда «взгоръ» выстраиваются цитаты и отрывки въ стройные ряды и только бѣлыми штрихами намѣчаютъ основныя черты отношенія русскихъ поэтовъ къ Петербургу.

Всѣ образы Петербурга развертываются, по мнѣнію автора, изъ основной его характеристики — Петербургъ — «городъ трагическаго имперіализма» (какъ жаль, что употреблено это нѣсколько пообноценное въ рѣчи русской современности слово!) «Трагическій импе-

риализмъ» — это великодержавность, рождающая творения спаянные единствомъ воли, дерзновенно вступающая въ борьбу и съ самою природою, оформляющая хаосъ въ гармоничное бытіе, но оторвавшаяся «отъ корней народныхъ», покоящаяся «на рабствѣ народа», строящая жизнь «на костяхъ человѣческихъ». Авторъ видитъ неизбежность этого пути русской государственности, пути Петра Великаго. Красота и величіе Петербурга и его трагическая судьба воплощаютъ именно это раздвоеніе, заложенное въ самыхъ основахъ державы российской. Судьба Петербурга, его печальная участь въ настоящемъ (книга написана въ 1921 — 22 г. г.) являются неизбежнымъ (для всякой судьбы вообще) «органическимъ развитиемъ» его индивидуальности.

Этой характеристикѣ нельзя отказать въ тонкости и глубинѣ. Но намъ кажется, что самое понятіе «судьбы» взято авторомъ въ нѣсколько невѣрной перспективѣ. Судьба въ значительной степени вырастаетъ не изъ внутренняго развитія индивидуума, а изъ ограничивающихъ индивидуальность моментовъ—для самого индивидуума внѣшнихъ, стоящихъ выше или ниже его. Такъ къ построившимъ судьбу человѣка моментамъ принадлежатъ и его тѣло, и съ нимъ связанные, ипизіе по отношенію къ существу человѣческой души «стремленія» и инстинкты, такъ же участвуютъ въ судьбѣ индивидуума и моменты высшаго, надиндивидуальнаго порядка (если оставить въ сторонѣ ретивозный смыслъ понятія «Судьба») — жизнь націи и государства, весь историческій процессъ въ цѣломъ —Г Анциферовъ, анализируя Судьбу Петербурга (или судьбу его образа въ художественной литературѣ), самъ уклоняется отъ своего опредѣленія «судьбы», привлекая при развѣтываніи понятія «трагического имперіализма» **высшія и низшія** по отношенію къ индивидуальности города моменты — государство и его долю, «стихи» и т. д. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ опускаетъ нѣкоторые существенные моменты, вытекающіе изъ всего изложенія

Самое понятіе «трагического имперіализма» представляется намъ нѣсколько узкимъ и нѣсколько «политизированнымъ». По нашему мнѣнію, здѣсь было бы лучше на мѣстѣ понятія творческой, оформляющей хаосъ воли, если угодно воли «державной», но не только и не исключительно политической («имперіалистической») направленной. Если мы отъ этого понятія подойдемъ къ проблемѣ Петербурга, то передъ нами съ большей ясностью раскроется горькій смыслъ обрисованной г. Анциферовымъ исторіи образа Петербурга.

Остановимся нѣсколько на очеркѣ г. Анциферова. XVIII вѣкъ безо всякихъ вопросовъ и сомнѣній восторгается «сѣверною Пальмирою», не замѣчая враждебныхъ городу силъ, изумляясь гармоничному сочетанію искусства съ природою. Пушкиль даетъ уже образъ Петербурга на фонѣ того хаоса, изъ котораго онъ выросъ. На мѣстѣ — «мшистыхъ, топкихъ береговъ», «топи благъ», покрытыхъ «лѣсомъ, невѣдомымъ лучамъ въ туманѣ спрятаннаго солнца», избъ, разбросанныхъ «здѣсь и тамъ», рѣки, по которой «четырь стремился одиноко» —

через сто лѣтъ прекрасный городъ — «строгий, стройный видъ», «Не вы державное теченье, береговой ся гранить», «оградъ узоръ чугунный» — всѣ эпитеты подчеркиваютъ оформленіе, гармонизацію, укрощеніе хаоса. — Но Пушкинъ видитъ и развертывающуюся подъ ногами символизирующаго упорядочивающее хаосъ волевое начало Мѣднаго Всадника **бездну**, чувствуетъ возможность **возстанія** бездны — слухій и человѣка, ставшаго на сторону стихій и хаоса противъ гармоніи и формы. Пушкинъ въ этомъ спорѣ — всецѣло на сторонѣ творческой воли.

Но удивительно! «Пушкинъ былъ послѣднимъ пѣвцомъ свѣтлой стороны Петербурга». Черезъ все дальнѣйшее развитіе образа Петербурга въ русской литературѣ проходятъ одиѣ и тѣ же ноты — утеряна вѣра въ силу творческой, формирующей воли и уваженіе къ ней. «Строгий, стройный видъ» Петербурга ощущается уже только, какъ проявленіе деспотизма, гнета и суровости. Отъ Гоголя черезъ Достоевскаго къ Андрею Бѣлому развивается образъ Петербурга, какъ призрачнаго города, оторваннаго отъ реального бытія, выросшаго изъ болотнаго тумана, города «лжи», иллюзій и обмана. «А что, какъ разлетится этотъ туманъ и уйдетъ кверху, не уйдетъ ли съ нимъ вмѣстѣ этотъ гнилой, склизкій городъ? Поднимется вмѣстѣ съ туманомъ и исчезнетъ, какъ дымъ, а останется прежнее финское болото, а посреди его, пожалуй, для красоты бронзовый всадникъ на жарко дышащемъ, загначомъ конѣ?...» (Достоевскій).

«Гражданская поэзія» привлекаетъ еще одинъ мотивъ — нѣкій первородный грѣхъ города — страданія и жертвы индивидуума, на которыхъ онъ выросъ (смерть «Глупаго мужиченки», «на костяхъ» котораго стоитъ Петербургъ — въ «Міазмѣ» Полонскаго). — Въ возстаніи стихій противъ Петербурга, въ ихъ побѣдѣ надъ творческой волей строителя Петербурга, русская поэзія видитъ какъ будто торжество, побѣду нѣкоей высшей справедливости. Образъ гибели Петербурга становится (начиная отъ В. Ф. Одоевскаго, Лермонтова и В. С. Печерина) однимъ изъ излюбленныхъ образовъ. И гибель Петербурга ощущается какъ заслуженный приговоръ судьбы —

О геена! градъ разврата!
Сколько крови ты испилъ!
Сколько царствъ и сколько злата
въ дикомъ чревѣ поглотилъ!

И рекли ужъ Евмениды
приговоръ свой роковой
и сѣкира Немезиды
поднята ужъ надъ тобой...

— — — — —
Анаѳема! Анаѳема! Анаѳема!

Эти мощные (при всей своей художественной слабости) стихи В. С. Печерина («Торжество Смерти») глубоко характерны.

И въ борьбѣ западниковъ и славянофиловъ Петербургъ остался чуждъ и тѣмъ и другимъ. Для первыхъ — онъ порожденіе восточнаго деспотизма, для вторыхъ — онъ чуждъ Россіи... Мотивъ гибели Петербурга повторенъ и Тургеневымъ («Призраки»), и Григоровичемъ («Сонъ Карелина»).

Величіе дѣла «строителя чудотворнаго» не замѣчается. Привлекаетъ вниманіе современный Петербургъ — прозаическій, пошлый, сѣрый (Достоевскій), чуждая Россіи ненужность

Возникнувъ съ помощью чухонскаго народа
Изъ топей и болотъ въ какихъ-нибудь два года,
Она до нашихъ дней съ Россіей не срослась.
(Некрасовъ).

И если у Помяловскаго образъ Петербурга вырождается въ образъ какой-то помойной ямы, то вѣдь и для Достоевскаго и Ап. Григорьева Петербургъ — мрачный и тяжкій «страшно-пошлый міръ» —

Даже пробудившійся интересъ къ петербургской архитектурѣ не могъ преодолѣть ставшей традиціонной ненависти и злобы противъ Петербурга. — Петербургъ въ русской поэзіи такой же, какъ и раньше —

Ни цвѣтовъ, ни чудесъ, ни святынъ,
Ни миражей, ни грезъ, ни улыбки —
Только камни изъ мертвыхъ пустынь,
да сознанье проклятой ошибки. (Ин. Анненскій).

«Все плоско, буднично и въ то же время похоже на сонъ», «каменная чухонская деревня» (Мережковскій), «городъ... желѣзно-сѣрый, гдѣ вѣтеръ, вѣтеръ, дождь, и зыбь, и мгла», «съ расплеснутой чашей вина на звѣрѣ багряномъ жена» (А. Блокъ). И «наоному» Печерина напоминаютъ проклятія З. Гиппиусъ —

Твой остовъ прямъ, твой обликъ жестокъ...
Твое холодное кипѣнье
Страшнѣй бездвижности пустынь.
Твое дыханье — смерть и тлѣнье,
а воды — горькая полынь.
— — — — —
— — Ты утонешь въ тинѣ черной.
проклятый городъ, Божій врагъ.
И червь болотный, червь упорный
Поѣсть твой каменный костякъ (З. Гиппиусъ).

Для стоящаго въ традиціи Достоевскаго Андрея Бѣлаго Петербургъ срастается съ Россіей, символизируетъ и представляетъ ее; но это не спасаетъ Петербурга, а, наоборотъ, бросаетъ мрачный и безнадежный отвѣтъ на всю Россію.

Лишь случайно — Бѣлинскій, Гаршинъ, Короленко обмолвятся словомъ въ защиту Петербурга Петербургъ — городъ «будущей жизни», городъ изъ гряда возникшій и въ грядѣ живущій (Бѣлинскій, Короленко), городъ страдающій и радующійся за всю Россію (Гаршинъ). Но эти замѣчанія остаются одинокими — — —

Смысль очерченной г. Анциферовымъ исторіи образа Петербурга — констатированіе глубокаго разрыва, лежащаго въ сущности русской культурной жизни — разрыва между стихіею, жизненною силою, онтологическими условиями и формою творчества, дѣлеполaganіемъ трансцендентальною «надстройкою». По прочтеніи книги г. Анциферова, тонкаго цѣнителя красоты и величія Петербурга, складывается впечатлѣніе, что русская поэзія глубоко испрала передъ Петербургомъ. Это впечатлѣніе не вполне вѣрно. Несомнѣнно, Петербургъ виновенъ передъ Россіею и эту его вину, быть можетъ съ презвѣлченной остротой ощутили — по разному каждый — и В. Ф. Одоевскій, и Печеринъ, и Тургеневъ, и Некрасовъ и Блокъ, и З. Гиппиусъ. «Вина» въ глубокихъ культурно-историческихъ разрывахъ никогда не лежитъ на одной сторонѣ. — Книга г. Анциферова подводитъ насъ вплотную къ одной изъ существеннѣйшихъ проблемъ философіи русской исторіи — къ факту недооцѣнки въ русской культурѣ формообразующихъ, творчески-активныхъ, дѣлеполaganяющихъ моментовъ. Конечно, эта великая «опасность» русскаго духа не можетъ быть уяснена на одномъ примѣрѣ, хотя бы и такомъ яркомъ, какъ представляемая г. Анциферовымъ исторія образа Петербурга.

«Петербургъ Достоевскаго» — попытка гшательно простигнуть въ современномъ Петербургѣ остатки Петербурга времени Достоевскаго, а въ особенности — бережно собрать все свѣдѣнія объ уголкахъ города, связанныхъ съ жизнью и творчествомъ Достоевскаго. Автору не только удается дать общій фонъ къ петербургскимъ повѣстямъ и романамъ Достоевскаго, но и со значительной степенью вѣроятности указать отдѣльные уголки города и также дома, послужившіе великому писателю «моделями» тѣхъ или иныхъ образовъ (непр. дома, гдѣ жилъ Раскольниковъ, Соня Мармеладова, процентщица) *)

Объ книги изданы (издательствомъ Брокгаузъ - Ефровъ) любовно и внимательно. Очень хороши иллюстраціи, особенно рисунки Добужинскаго, болѣе конгеніальные «Петербургу Достоевскаго**»), чѣмъ прекрасныя гравюры Остроумовой - Лебедевой, нѣсколько диссонирющія съ текстомъ. — художнищъ, очевидно, въ образѣ Петербурга ближе свѣтлое, радостное, «дубужинское».

Объ книги даютъ больше, чѣмъ обѣщаютъ ихъ заглавія, — много

*) Матеріалъ объ отношеніи Достоевскаго къ Петербургу можно дополнить фельетономъ Достоевскаго, перепечатаннымъ впервые въ «Красной Газетѣ», а изъ нея «Рулемъ» (въ декабрѣ 1927 г.).

***) Рисунки Добужинскаго теперь воспроизведены, хотя и не очень удачно, въ нѣмецкомъ изданіи набросковъ Достоевскаго къ «Преступленію и Наказанію» - Raskolnikoff's Tagebuch, изд. Pieper's.

вдушихъ далѣ ихъ темъ тамесовъ показаній. Тѣмъ болѣе жаль, что объявленная авторомъ книга «Мифъ о бытїи Петербурга» (съ глѣзъ перъ такъ нѣрпо перекрещеннаго в. Ленинграда) до сихъ поръ не увидѣла свѣта.

П. Прокофьевъ.

М. В. Нечкина. Общество соединенныхъ славянъ. Центрархивъ. Госуд. Издательство Москва Стр 244

Въ ряду многочисленныхъ тайныхъ политическихъ обществъ, возникшихъ въ концѣ царствованія Александра I, «Общество соединенныхъ славянъ» всегда привлекало къ себѣ вниманіе историковъ своеобразными особенностями, придававшими ему характеръ какого-то исключительнаго явленія на общемъ фонѣ политическаго движенія той эпохи.

Это Общество рѣзко отличалось отъ прочихъ и своимъ социальнымъ составомъ и тѣми лозунгами, которые были написаны на его знамени. Въ противоположность всемъ другимъ политическимъ обществамъ, изъ которыхъ слагалось такъ назыв. «декабристское» движеніе, Общество соединенныхъ славянъ возникло не въ сферѣ столичнаго гвардейскаго офицерства, а въ кругу армейскихъ офицеровъ, въ отдаленной отъ столичныхъ центровъ провинціи, и среди его членовъ мы встрѣчаемъ лишь людей само скромнаго общественнаго положенія. И эти скромные провинціалы приступили къ формированію своего Общества вовсе не изъ подражанія тому, что исходило изъ столицъ, а совершенно самостоятельно, даже и не подозрѣвая первоначально о существованіи другихъ политическихъ организацій и лишь впоследствии неожиданно для себя наложившись на существованіе «Южнаго общества», съ которымъ они и рѣшили слиться воедино. Но это сліяніе произошло не такъ-то легко именно потому, что у руководителей Общества соединенныхъ славянъ были свои замыслы и свои устремленія, не во всемъ совпадавшіе съ планами Южнаго общества. Одно изъ этихъ отличій состояло въ томъ, что члены Общества соединенныхъ славянъ или, какъ ихъ такъ сокращенія тогда называли, — просто «славяне» очень дорожили своимъ планомъ объединенія всего славянства въ единую политическую федерацию всехъ славянскихъ народовъ съ сохраненіемъ внутренней автономіи каждаго изъ нихъ. Изъ какого источника почерпнули они эту идею и почему этотъ планъ былъ выдвинутъ и даже поставленъ во главу угла преобразовательной программы именно Обществомъ, образованнымъ скромными провинціалами? Уже одинъ этотъ вопросъ усугубляетъ интересъ къ исторіи «Общества соединенныхъ славянъ».

Однако, до послѣдняго времени этотъ интересъ остается неудовлетвореннымъ. О названномъ Обществѣ мы знаемъ очень мало. Въ сущности почти единственнымъ источникомъ свѣдѣній о немъ служили «Записки Горбачевского» Горбачевскій далъ довольно подробное описаніе исторіи этого Общества, въ которомъ онъ самъ принималъ дѣятельное участіе. Но на цѣлый рядъ вопросовъ его «Записки» оста-